

«КОМСОМОЛЕЦ КУБАНИ»

Лицо поколения. Какое оно? Назови имя — и перед глазами знакомые черты тех, чьи порывы и сомнения известны тебе не сторонним наблюдением, а трудной ценой совместно прожитых лет. Но вот педагогический парадокс. Именно эта близость мешает порой разглядеть за множеством юных лиц облик сегодняшнего поколения двадцатилетних. Помню, как в детстве, затаившись в жутковатой темноте, мы били по очереди кремнем о кремень — и внезапно высеченная искра освещала чуть загадочное лицо собеседника по тайне. Вот так неожиданная встреча на мгновение выхватит из хаоса повседневных впечатлений черты, прежде разрозненные, и они обретут живое, многоликое единство. Такая встреча многое перевернет в тебе, заставит учиться заново и сомневаться в собственных силах. И все же большой радостью для меня было стать свидетелем стремительного творческого роста Надежды Кремневой, чьи стихи знают читатели «Комсомольца Кубани», и удивительного педагогического таланта новороссийского журналиста Константина Подымы, капитана славной «Шхуны ровесников».

А сегодня позвольте представить еще одного из племени двадцатилетних артиста Сергея Догадкина.

ИТ ОД РОЖДЕНИЯ — пятидесятилетний. Место — город Плесы на Волге. В детстве — увлечение математикой, пионерская работа, лето в Артеке. А за всем этим — главное. Раннее призвание. Первая роль (это был умный, благородный Буратино), сыгранная еще во втором классе. С четвертого он уже постоянный член кружка при детском секторе рабочего клуба города Шахты. Шестиклассником Сергей играет во взрослом коллективе и твердо знает, что будет актером и режиссером. Через два года, получив пятерку по мастерству, он становится студентом Ростовского училища искусств.

Годы учебы. Постоянное желание играть. В молодежных клубах, в театрах, профессиональных и самодеятельных. И еще — захлеб впитывать знания, откуда и от кого возможно, сверх лекций и практических занятий.

4 октября 1969 года. Непритязательной комедией «Сады цветут» начинается новый сезон Армавирского драматического театра. Пошел занавес — и к полосатой будочке у переезда неведомо откуда выскочил несуразный худенький паренек с нелепешим чехомоданом без ручки, для верности перехваченным старой бельевой веревкой. По всем законам жанра он тут же и растаял, разметав пожитки. Зал хохотал. А парнишка, стоя на коленях, торопливо засовывал обратно скомканные вещи, до странности бережно подбирая с земли потрепанные книги и тетради. При этом он еще ухитрялся каким-то растерянным жестом то и дело поправлять очки на переносице и сбивчиво объяснять сердобольной стрелочнице свое внезапное бегство с практики. И такая за этим проглянула на миг житейская неустрашенность, такое сиротство, такая способность враз сорваться и лететь неведомо куда, что жалось сердце.

Рядом с элегантным, прекрасно воспитанным Владимиром (артист А. Калабухов) они выглядели как те самые «стихи и проза, лед и пламень», что не раз уж доводило до беды наивных мечтателей.

Эта первая пронзительная нота была найдена молодым актером почти интуитивно, в силу самой особенности своего дарования. Сказать, что

Но это прошло мимо занятого государственнымми работами отца, мимо друзей по комсомолу. Валерий замыкается от всех и в одиночестве нянчит свою душевную боль. Больше того. Любовь к музыке, не находящая выхода в учебе или активной деятельности, приводит его в анархическую среду московской богемы, где за разговорами о святом искусстве — махровая антисоветчина и запойный разгул. Такое утверждение личности равно, в сущности, ее разрушению. Валерий сам чувствует это. И первый акт пьесы застаёт его в момент мучительных раздумий, как жить дальше и стоит ли жить вообще.

сильным и независимым, так скучающе-терпеливо выслушивает умный монолог Бор-Бора (артист В. Корнилов). А тайне ему приятно беспокойство друзей, необходимо их уважение. За кривой усмешкой, которой он отвечает на презрение Мохова (артист А. Калабухов), плохо скрытое смущение. И уж совсем откровенен тот внезапный жест, которым он пытается задержать уходящих друзей.

Слабость характера? Нет, скорее внутренняя незащищенность, острая впечатлительность художника.

Слабость Валерий в том жутком одиночестве, которое он пытается преодолеть и на которое сам себя обрекает,

ему еще удастся сказать о себе настоящим большим делом.

АРТИСТ и его герой — почти ровесники. Но наш современник идет к своему призванию куда решительнее и целеустремленнее, сам делает себя таким, каким хочет быть.

И так же, как у других его сверстников, этот процесс совершается без грома победных литавр. Хватает и сомнений, и разочарований, и трудностей роста. Сегодня настоящему актеру надо быть в идеале и глубоким

В Мурманске Сергей ставит со студентами пединститута поэтический спектакль по стихам Маяковского, Евтушенко и Вознесенского. И снова стих звучит как полифоническое музыкальное произведение. Снова поиски ритма и пластической выразительности.

А сейчас Догадкин работает над «Синей птицей».

Мечта претворялась в жизнь с такой стремительностью, с такой деловой хваткой, что, несмотря на молодость, весь Дворец пионеров сразу признал в нем опытного практика. Через неделю после расклейки объявлений по школам о готовящемся спектакле уже шли полным

Творческий портрет

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЧТЫ

в этом ключе была выдержана вся роль — значило бы покривить душой. Да этого и не требовал режиссерский замысел Н. К. Карелиной. Комедия должна была смешить — и актеры делали это с молодым задором.

Однако неожиданная первая сцена показала, что у артиста Сергея Догадкина есть своя тема. Это и была заявка на интересную большую работу, на умение раскрыть сложный человеческий характер. Такой работой стала для него роль Валерия Шурупова в пьесе «Яд» А. В. Луначарского (режиссер А. В. Бондаренко).

Легко сразу осудить героя, сыграть истеричного хлюпика и слюнтяя, которому только слабость характера помешала совершить страшное преступление. Между прочим, именно таким представляют его многие в пьесе и даже в зрительном зале.

Валерий Сергея Догадкина гораздо сложнее. Это художник, трагически несостоявшийся. Болью в сердце отзывается его фраза: «Мне восемнадцать лет, а я еле скрипку в руках держу». В душе стихи и «целый океан музыки», а немые руки не в состоянии выразить то, что бунтует внутри, что могло бы стать смыслом жизни и радостью для людей. Один трепетный жест — протянутая к скрипке рука — и перед нами целая повесть о неразделенной любви.

Закаменев над раскрытой книгой, Валерий—Догадкин напряженно прислушивается к шагам отца. В этом ожидании, в том, как подается он весь на отцовскую ласку, как оскорбленно вспыхивает при сылке на недостаток времени, — целая гамма чувств. И обида, и упрямое утверждение своей независимости, и желание уйти от разговора о дурном поведении, и тайная надежда, что отец поможет найти себя. Он именно хочет разговора о главном — и боняет его.

Раздраженный невниманием к тому, что считает главным в себе, Валерий кричит о ненависти к тупым фанатикам — и за этой злой бравадой уже не слышны скрытую мольбу о помощи.

Валерий пытается найти понимание у Риммы Граевой. Но его подруга сама опалила крылья у того же огня, сама ищет опоры и защиты. Что ей доброта Валерия, если он слабый?

Герою Догадкина так нужна любовь, чтобы вырваться из замкнутого круга одиночества. (Кстати, оно в спектакле подчеркнуто и чисто зрительно: мы ни разу не видим Валерия вне его комнаты). Но в сцене с Риммой его руки молят даже не о любви. Они просят хоть каплю нежности и сочувствия.

Та же тяга к человеческому сочувствию в сцене встречи с друзьями по комсомолу. Но решается она совсем иными средствами. Валерий так и хочет выглядеть в ней

занимаясь только собой, охраняя свой внутренний мир от всех требований общества, которое входит в его комнату то отцом, то друзьями, требуя активного участия в жизни. Но самое страшное требование стать убийцей приносит ему Римма из того мира, где проповедуют абсолютную свободу личности. Подчиниться этому требованию для Валерия невозможно (какая же свобода, если это насилие над его личностью?), а добровольно он этого никогда не сделает. Преступление убьет в нем человека и художника, убьет способность к творчеству.

Валерий пытается объяснить это Римме, но она уходит, взвалив на него ответственность за свою смерть. И тогда он решается на самоубийство как на единственное средство отстоять себя, свою свободу и человеческое достоинство.

Сцена отравления проводится С. Догадкиным на таком накале, что зал замирает на несколько минут. Никакого крика, никакой истерики. Только рюмка судорожно зажата в заведенной назад руке, да податски вздрагивает подбородок.

Пережитый ужас многое заставил его понять, многое сблизил с ними по-новому. Быть может, это уже выход из того замкнутого круга индивидуализма, ядом которого отравлена его душа. И это будет залогом того, что

мыслителем, и лицедем, соединить анализ роли с непосредственным чувством. А это сочетание невероятно сложное.

Над ролью Сергей думает постоянно, от спектакля к спектаклю меняя пути к решению образа. Это прорывается в разговоре, в случайном замечании, в невольной интонации.

Сейчас ему не дает покоя интересная и близкая по теме роль Гатыня в пьесе Яна Райниса «Вей, ветерок». И тут тоже свои сложности. Дело в том, что в постановке этого спектакля Догадкин участвует не только как актер, но и как ассистент режиссера Н. К. Карелиной. Он работает с художником, репетирует с актерами, обдумывая до мелочей каждую сцену, поведение всех действующих лиц.

И все-таки хорошо, что театр дал ему такую возможность попробовать свои силы. Уже сейчас в нем чувствуются отличные задатки режиссера со своим почерком, со своим решением темы, со своим взглядом на роль современного театра.

Большая мечта возникла, конечно, не сегодня. Еще будучи студентом, он ставит на сцене ростовского молодежного клуба спектакль «Балаганчик» на вечер памяти поэта А. Блока. Сам и режиссер — постановщик, и единственный исполнитель двадцати разных ролей.

ходом репетиции — и участвовало в них в общей сложности 60 человек.

Сергей Догадкин умеет заразить своей увлеченностью окружающих, буквально втянуть в свою орбиту, заставить работать вместе с собой. И главное — все это делает с удовольствием.

Еще до застольных репетиций был сделан точный макет нашей сцены, и сами артисты выстраивали из кубиков декорации каждого действия. Самые удачные решения закреплялись в эскизах. Эта игра заставляла обдумывать суть сцены, будила воображение. И еще без слов убеждала: готовится самый настоящий спектакль, все строго и точно продумано.

Сейчас трудно еще судить, каким он будет. Очень много работы еще впереди. Одно можно сказать уверенно. Сергей Догадкин умеет видеть завтрашний день и любит работать до изнеможения. Вероятно, это и есть главное в любом деле.

Очень хочется, чтобы исполнилась его большая мечта поступить учиться и стать настоящим мастером режиссуры.

Р. ШАМЕС,
руководитель литературного кружка Дворца пионеров.
НА СНИМКЕ: Сергей Догадкин.

Фото И. Журавлева. Армавир.

